

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В СТИХОТВОРЕНИИ «СУВАЙДО»

Акрамова Сураё Ренатовна

доцент Бухарского государственного педагогического института

E-mail: suraeww1984@gmail.com

[\(0000-0003-4115-6493\) - ORCID](https://orcid.org/0000-0003-4115-6493)

Аннотация. В статье рассматриваются речевые акты в стихотворении «Сувайдо» как способы выражения внутреннего мира, нравственной позиции и коммуникативных намерений лирического субъекта. Исследование опирается на контекстуальный, прагматический и лингвопоэтический анализ, позволяющий соотнести грамматическую форму высказывания с его функцией в поэтическом контексте. Основное внимание уделяется обращению к обобщённому адресату, благопожеланию, вопросительным конструкциям и противопоставлению нравственных качеств. Вопросы о том, что заключено в сердце человека, и о его ответственности перед народом и родным языком интерпретируются как средства косвенного побуждения к нравственной самооценке, а не только как формы запроса информации. Образ «сувайдо» рассматривается как смысловой центр, связывающий индивидуальное переживание с противопоставлением благородства и нравственной низости. Антропоцентрическая организация текста раскрывается через взаимодействие говорящего и адресата. Разграничиваются выражение эмоционального состояния, оценочное утверждение и побуждение, передаваемое вопросительной формой. Обосновывается, что речеактовая структура стихотворения служит не только выражению переживаний, но и постановке вопроса об их нравственном основании и общественной значимости.

Ключевые слова: «Сувайдо», речевой акт, антропоцентрический анализ, лирический субъект, адресат, косвенное побуждение, нравственная самооценка.

ANTHROPOCENTRIC INTERPRETATION OF SPEECH ACTS IN THE POEM “SUVAYDO”

Abstract. This article examines speech acts in the poem “Suvaydo” as expressions of the lyric speaker’s inner world, ethical stance, and communicative intentions. The study combines contextual, pragmatic, and linguopoetic analysis to relate the grammatical form of an utterance to its function within the poetic context. Particular attention is paid to direct address to a generalised addressee, well-wishing, interrogative constructions, and the contrast between moral qualities. Questions concerning what resides in the human heart and one’s responsibility towards one’s people and native language are interpreted as indirect invitations to ethical self-reflection rather than mere requests for information. The image of *suvaydo* is considered a semantic focus linking individual experience to the contrast between nobility and moral baseness. The anthropocentric organisation of the text is explored through the interaction between the speaker and the addressee. The analysis distinguishes between the expression of emotional states, evaluative assertions, and indirect prompting conveyed through interrogative forms. The poem’s speech-act structure is thus interpreted as a means of articulating personal experience while questioning its ethical foundations and social significance.

Keywords: “Suvaydo”, speech act, anthropocentric analysis, lyric speaker, addressee, indirect prompting, ethical self-reflection.

Введение. Антропоцентрическое прочтение поэтического текста предполагает внимание не только к изображённым переживаниям, но и к тому, каким образом говорящий обозначает себя, выделяет собеседника и выражает отношение к сообщаемому. Для такого анализа существенна разработанная Э. Бенвенистом связь языковой субъективности с соотносённостью позиций «я» и «ты» [1, с. 223–230]. Применительно к лирике данный подход позволяет рассматривать личные и притяжательные формы не как вспомогательные показатели, а как средства организации отношений между субъектом высказывания и адресатом.

Теория речевых актов дополняет эту перспективу разграничением содержания высказывания, совершаемого посредством него коммуникативного действия и возможного воздействия на адресата. В работе Дж. Л. Остина такое различие получает выражение в понятиях локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов [2, с. 94–108]. Классификация Дж. Р. Серля позволяет соотносить высказывания с утверждением, побуждением и выражением отношения, не отождествляя речевой акт с грамматическим типом предложения [3, с. 1–23]. Его концепция косвенных речевых актов особенно значима для случаев, когда вопросительная форма в определённом контексте передаёт дополнительное побудительное намерение [4, с. 30–57].

Материалом исследования служит стихотворение Джамала Камала (Jamol Kamol) «Сувайдо», опубликованное в сборнике «Қадах» («Qadah», 1980) на страницах 68–70 [5, с. 68–70]. Для подробного рассмотрения выбраны три фрагмента, в которых представлены обращение к человеку, вопрос о его отношении к народу и языку, а также противопоставление нравственных качеств. Цель статьи — установить, как семантика и структура этих высказываний участвуют в формировании их речеактовой направленности и антропоцентрической организации стихотворения.

Исследование имеет характер качественного анализа отдельного поэтического текста. Последовательно рассматриваются субъектно-адресатные отношения, лексическое наполнение, грамматические показатели, повторы и контекстуально восстанавливаемая коммуникативная функция. Лирический субъект при этом не отождествляется автоматически с биографическим автором. Различение литературности и вымышленности, обсуждаемое Серлем, также не позволяет заранее объявлять все высказывания стихотворения ни фикциональными, ни документально-автобиографическими [6, с. 319–332]. Выводы о воздействии текста формулируются как интерпретация его потенциала: фактические реакции читателей в настоящей работе не исследуются.

Узбекские цитаты приводятся в латинской графике с сохранением словесного состава печатного оригинала. Русские смысловые переводы в скобках подготовлены для данной статьи и не являются цитатами из опубликованного перевода. Они передают содержание и коммуникативную направленность фрагментов, не воспроизводя их рифмовку. Грамматические и стилистические наблюдения относятся прежде всего к узбекскому тексту.

Основная часть. В исходном развёртывании образа *suvaydo* связывается с тёмной точкой в сердце и получает различные смысловые характеристики в зависимости от источника переживания. В пределах предлагаемого прочтения это не анатомическое определение, а поэтическая модель внутреннего мира. Важен не сам факт сердечного «ожога», а то, чем он вызван и на что направлено переживание. Именно эта смысловая неоднозначность подготавливает переход от описания образа к обращению, вопросу и нравственной оценке.

Hoу, inson, yo 'lingda yor bo 'lsin omad,

Yor bo 'lsin azaldan adamgacha to.

Endigi hamma gap shundadir faqat:

Qalbingdan joy olmish qaysi suvaydo? [5, с. 68–70]

(Эй, человек, пусть удача сопутствует тебе в пути,

Пусть будет с тобой от предвечности до небытия.

Теперь всё заключается лишь в одном:

Что за сувайдо живёт в твоём сердце?)

Обращение *Hoу, inson* задаёт ситуацию непосредственного контакта: междометие привлекает внимание, а существительное *inson* обозначает обобщённого адресата. Его индивидуализация осуществляется не собственным именем, а формами *yo'lingda* и *qalbingdan*, содержащими показатель принадлежности второму лицу единственного числа. Тем самым обращение к человеку вообще одновременно допускает личное прочтение: адресатом вопроса может представить себя каждый читатель.

Повтор “yor bo‘lsin” организует первые две строки как развёрнутое благопожелание. Здесь форма bo‘lsin не выражает распоряжения, адресованного человеку: грамматическим субъектом пожелания выступает omad — удача. Сочетание желательности, положительной оценки и направленности к собеседнику позволяет говорить об экспрессивном характере данного речевого действия. Временной размах azaldan adamgacha to расширяет пожелание до предельных границ существования; в переводе поэтому сохранено противопоставление предвечности и небытия, а не более узкая формула «от рождения до смерти».

Третья строка выполняет связующую функцию. Сочетание hamma gar и ограничительного faqat сосредоточивает внимание на единственном существенном вопросе, а “shundadir” предваряет его раскрытие. В заключительной строке образ сердца становится пространством внутреннего выбора: важно не наличие suvaydo, а его качество, выделяемое вопросительным qaysi. Так благожелательное обращение сменяется требованием смыслового различия — читателю предлагается определить нравственное содержание собственного переживания.

При этом вопрос нельзя безоговорочно приравнять к утверждению с заранее заданным ответом. Его предмет остаётся открытым: какая именно внутренняя установка определяет человека? В контексте предшествующих противопоставлений вопрос получает риторическую направленность и допускает интерпретацию как косвенное побуждение к самооценке. Здесь применим принцип несовпадения буквального содержания и дополнительной иллокутивной цели. Однако побудительное прочтение выводится из совокупности текстовых признаков, а не из одного лишь вопросительного знака.

Yashamoq azmida yonarkan ammo,

Elim deb, tilim deb, yonganmisan hech? [5, с. 68–70]

(Но, пылая стремлением жить,

Горел ли ты хоть раз душой за свой народ, за свой язык?)

Семантическую основу двустийшия составляет повтор глагольной основы *yop-* в формах *yoparkan* и *yonganmisan*. В обоих случаях горение обозначает интенсивность внутреннего участия, однако направленность этого участия различается. В первой строке она соотнесена со стремлением жить, во второй — с отношением к народу и языку. Союз *ammo* маркирует смысловой поворот: продолжение жизни само по себе ещё не отвечает на вопрос о содержании жизненной устремлённости.

Структурно значимы параллельные сочетания “*elim deb*” и “*tilim deb*”. Показатель первого лица *-im* в словах *elim* и *tilim* представляет народ и язык как лично-присвоенные ценности. Вместе с *deb* эти формы позволяют услышать внутри обращения возможный голос самого адресата: «мой народ», «мой язык». Следовательно, внешнее «ты» не просто получает оценку со стороны, но соотносится с предполагаемым внутренним «я». Русское «свой» передаёт эту принадлежность относительно адресата, хотя не воспроизводит буквально узбекскую форму первого лица.

В *yonganmisan* вопросительный показатель *-mi* соединён с личным показателем *-san*, а форма с *-gan* обращает вопрос к пережитому опыту. Завершающее *hech* в данном контексте соответствует смысловому усилению «хоть раз». Такая организация высказывания переводит отвлечённое рассуждение об ответственности в проверку собственной жизненной позиции. Слова *elim* и *tilim* при этом конкретизируют предмет переживания: важна не интенсивность чувства вообще, а его направленность.

Прагматически двустийшие можно прочесть как призыв пересмотреть основания своих действий. Возможен и оттенок упрёка, но вопрос не доказывает, что адресат никогда не испытывал названного чувства. Поэтому точнее говорить о косвенном побуждении с оценочным компонентом, а не о прямом обвинении. Метафора горения составляет образный уровень высказывания; вопросительная форма и обращённость ко второму лицу — его коммуникативный уровень. Эти уровни взаимодействуют, но не подменяют друг друга.

Suvaydoda mardlik aks etadi — haq,

Lekin nomardlik ham unda aks etar. [5, с. 70]

(В сувайдо отражается благородство — это правда,

Но и низость тоже отражается в нём.)

В заключительном из выбранных фрагментов ведущей становится не вопросительная, а утверждающая форма речи. Существительные *mardlik* и *nomardlik* образуют лексическое противопоставление: общность основы делает особенно заметным отрицательный компонент *no-*, а *-lik* придаёт наименованиям значение отвлечённых качеств. «Благородство» и «низость» в русском переводе выступают контекстными соответствиями, отражающими этическую направленность двустишия, а не исчерпывающими словарными определениями узбекских слов.

Параллелизм поддерживается повтором *aks et-* в формах *aks etadi* и *aks etar*. Переход от *Suvaydoda* к местоименному *unda* сохраняет тождество образного пространства, в котором обнаруживаются противоположные качества. Союз *lekin* вводит противопоставление, однако второе высказывание не отрицает первое. Компонент *ham* добавляет ещё одну возможность: один и тот же образ способен обозначать внутренние состояния с различной нравственной направленностью.

Слово *haq* подчёркивает принятие говорящим первого суждения. Следующее за ним ограничение препятствует однозначной идеализации *suvaydo*: сердечный след или внутренний «ожог» сам по себе ещё не свидетельствует о благородстве. В рамках предложенной интерпретации решающим оказывается содержание переживания. Тем самым рассматриваемое двустишие возвращает читателя к вопросу *qaysi suvaydo* и уточняет основание проведённого ранее различия.

Речеактовую функцию этих строк можно определить как оценочный асертив: лирический субъект формулирует и поддерживает суждение о внутреннем мире человека. Само наличие нравственной оценки не превращает высказывание в самостоятельный экспрессивный акт. Здесь

доминирует утверждение определённого положения, тогда как оценочная лексика уточняет содержание этого утверждения.

Соотнесение трёх фрагментов выявляет последовательное изменение коммуникативных позиций: благопожелание подготавливает вопрос, за вопросом об ответственности следует обобщающее оценочное суждение. При этом речь не идёт о механической смене изолированных типов актов. Адресованность, модальность и образность сохраняются при переходе от одной функции к другой, образуя связное движение нравственной рефлексии.

Заключение. Анализ выбранных фрагментов стихотворения «Сувайдо» показывает, что его антропоцентрическая организация определяется не только тематикой человеческих переживаний, но и языковым распределением ролей говорящего и адресата. Обращение *inson* и притяжательные формы второго лица выделяют адресата и придают нравственным вопросам личностную направленность.

Благопожелание создаёт положительную установку по отношению к адресату; последующие вопросы допускают интерпретацию как косвенное побуждение к нравственной рефлексии. Противопоставление *mardlik* и *nomardlik* формирует оценочный ассертив и раскрывает неоднозначность центрального образа. Метафора горения, синтаксический параллелизм, повтор и лексическая антитеза усиливают эти функции, но не являются самостоятельными классами речевых актов.

Таким образом, в рассмотренных фрагментах **suvaydo** объединяет переживание и вопрос о его нравственном основании. На взаимодействии обращения, косвенного побуждения к нравственной самооценке и оценочного утверждения строится выявленная коммуникативная логика текста. Полученные выводы характеризуют конкретное стихотворение и не предполагают автоматического распространения на всё творчество поэта или на фактическое восприятие произведения читателями.

Список источников

1. Benveniste É. Subjectivity in Language // Problems in General Linguistics / translated by M. E. Meek. — Coral Gables, FL: University of Miami Press, 1971. — P. 223–230.
2. Austin J. L. How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. — 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 1975. — DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198245537.001.0001.
3. Searle J. R. A Classification of Illocutionary Acts // Language in Society. — 1976. — Vol. 5, No. 1. — P. 1–23. — DOI: 10.1017/S0047404500006837.
4. Searle J. R. Indirect Speech Acts // Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979. — P. 30–57. — DOI: 10.1017/CBO9780511609213.004.
5. Камол Жамол. Сувайдо // Қадах: лирика. — Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1980. — С. 68–70.
6. Searle J. R. The Logical Status of Fictional Discourse // New Literary History. — 1975. — Vol. 6, No. 2. — P. 319–332. — DOI: 10.2307/468422.